

Зайцев Г. С.,
к. и. н., директор Центра
региональных справочных
изданий ТюмГУ

Ямал в Западно-Сибирском крестьянском восстании 1921 года: факты и события К 100-летию крестьянского мятежа в Тюменском регионе

В конце января 1921 года вспыхнуло грандиозное Западно-Сибирское, иногда его называют Ишимским, крестьянское восстание. Мятеж охватил территорию с населением в 3,4 млн человек, в нём участвовало от 70 до 100 тысяч человек. А территория была огромной – практически вся Западная Сибирь от полуострова Ямал, современный Ямальский район и до территории современного Казахстана. Исследователи отмечают и тот факт, что часть сибирских казаков не являлась сторонника-

ми советской власти – из-за жесточайших репрессий, которые предпринимала власть против казачества, они приняли активное участие в данном мятеже. Президент РФ В. В. Путин в статье «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России» писал: «... После революции 1917 года Казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду. Однако Казачество выжило, сохранило свою культуру и традиции. И задача государства – всячески помогать казакам,

привлекать их к несению военной службы и военно-патриотическому воспитанию молодёжи» [1].

Казачи начали присоединяться к восставшим, когда повстанцы подступили к линии приишимских станиц бывшего Сибирского казачьего войска. Примерно, с середины февраля 1921 года. Вместе с тем не вся масса казаков, как, впрочем, и крестьян, принимала участие в данном восстании. Как пишет В. Н. Шишкин: «...основная масса крестьян и казаков не поддерживала повстанцев, хотя многие им симпатизировали. У кого-то не хватило мужества, кто-то считал бессмысленным сопротивление, кто-то питал иллюзию, что произвол вершат местные власти вопреки высшему начальству» [3]. На первом этапе восставшие крестьяне настороженно относились к казакам, но в последствии это отчуждение исчезло.

Одним из первых в нашем регионе начал исследовать истоки и причины восстания Константин Яковлевич Лагунов замечательный Тюменский писатель.

В 1968 году, он написал хронику крестьянского восстания в Западной Сибири «Двадцать первый. Исторический очерк». Но так получилось, что только в 1988 году этот очерк нашёл своего читателя. Именно в это время я его прочитал. Его рукопись была опубликована в журнале «Урал», и только в 1991 году очерк вышел отдельным изданием. Очерк К. Лагунова о событиях 1921 года, историчен и правдив, так как основан на архивных документах. Необходимо отметить, что крестьянские волнения охватили всю страну. Особенно ожесточённый характер данные волнения носили в Тобольской губернии.

А. Твардовский, прочитавший в 1968 году этот очерк в рукописи, написал: «Я бы, не сомневаясь и не раздумывая, дал ему (то есть К. Лагунову) за эту рукопись кандидатскую степень, а может, и докторскую. Он шесть лет копал и откопал что-то вроде пугачёвского бунта у нас в 1921 году. Антоновщина, о которой у нас много писали, не идёт ни в какое сравнение с восстанием зауральских, сибирских мужиков» [2].

В 1990 году мне довелось в Салехарде встретиться и познакомиться с Константином Яковлевичем, он в это время работал в библиотеке окружного музея над повестью «Иринарх». Эта документально-художественная книга была посвящена жизни и трудам выдающегося просветителя народов Крайнего Севера архимандрита Иринарха (Шемановского).

Я поинтересовался, как он собирал материал для своего очерка о событиях 1921 года, и узнал, что у него был друг, работавший в КГБ, разрешивший на свой страх и риск воспользоваться архивами УКГБ по Тюменской области. Наверное, поэтому его и опубликовали отдельным изданием только в 1991 году. Очерк К. Лагунова в основном подробно рассказывает о событиях, происходивших в 1921 году на юге Тюменской области. В своём очерке Константин Яковлевич практически не осветил роль казачества в данном мятеже. Уже в наше время, а именно в 2000–2001 годах, вышел потрясающий сборник документов о Западно-Сибирском мятеже – «Сибирская Вандея» (Документы. В 2 т. Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. И. Шишкин), в котором собраны практически все документы периода с 1919 по 1921 год. Именно благодаря этим документам мы можем проследить участие казаков в восстании. В этом двухтомнике архивных документов собраны также материалы о событиях 1921 года в ХМАО и ЯНАО.

Кандидат исторических наук В. А. Шулдяков в своей прекрасной двухтомной монографии «Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922», во второй книге, подробно описывает, как начиналось восстание, как формировались казачьи отряды, где находились наиболее крупные очаги казачьего повстанческого движения. Казачи проявили высокий уровень организованности и сознательности, установили между общинами достаточно прочные связи и создали Главный штаб объединённого Сибирского казачьего войска. Но в данной статье хочу в основном осветить события в ЯНАО, которые захватили и Ямальский район.

В 90-е годы, во время моей встречи с К. Я. Лагуновым в окружном краеведческом музее, прочёл воспоминания большевика И. П. Волкова, бывшего начальника Обдорской радиостанции. В то время по известной причине они не опубликовались. Но именно эти воспоминания в какой-то мере восполняют этот пробел и особенно по Ямальскому Северу.

1921 год был очень трудным для всей Тобольской губернии, как, впрочем, и для всей страны в целом, но особенно – для жителей Ямала, ввиду их оторванности от Центральной России.

Идейный большевик И. П. Волков, начальник Обдорской радиостанции, описывает мятеж 1921 года на Тобольском Севере без прикрас. И именно из-за правды его воспоминания не были опубликованы в советский период, а получили широкую известность только в наше время.

В первые годы советской власти многие понимали, что на Севере успех дела будет зависеть от правильно налаженных экономических отношений с иноверцами.

Об этом впоследствии писал и говорил В. П. Евладов, после его экспедиции на полуостров Ямал в 1928 году. В действительности коренные жители Ямала не принимали участия в данном восстании, хотя границы ареала мятежа и захватили территорию полуострова до Маре-Сале.

Между тем Советское государство после Гражданской войны строило своё отношение с деревней на другой основе – на принудительной развёрстке.

В этой статье я в основном буду приводить воспоминания Волкова, а также некоторые данные из других источников.

Волков пишет: «Мы, северяне, не имели о ней никакого реального представления, но заранее были твёрдо убеждены в непригодности этого метода на кочевом Севере». Эту же мысль поддерживали И. Я. Чупров, бывший купец, полностью перешедший на сторону советской власти, и И. Ф. Филипов, прибывший с поручением организовать в Обдорске Райпродуктору и Райрыбу. И. Ф. Филипов ездил в Тобольск и в тесном кругу говорил, что в губернии царит бюрократизм и волокита: «Если надо достать кусок верёвки, чтобы повеситься, надо дойти не ниже, чем до Главверёвки».

Но самое страшное – это применение варварских приёмов вымогательства при сборе сельхозпродуктов. Крестьян заставляют отдавать последнее, сажают в холодную, а то и бьют «тыквой по пузу» чтобы не было ушибов. Филипов сам видел у знакомых мужиков выстриженные тулупы за несдачу шерсти, выпотрошенные перины «в счёт развёрстки на перо».

В деревне слово «продкомиссар» стало ругательным, а о губпродкомиссаре Инденбауме идёт слава как о сатане и самодуре. Местные крестьяне грозятся разделаться с большевиками силой оружия.

Но это на юге губернии. Обдорские большевики не хотели этому верить, но, когда стали подъезжать ненцы для торговли, губпродкомиссар потребовал выслать в тундру заградительные отряды и отбирать у кочевников всё. Волков описывает, что обстановка была напряжённой, товарообмен мог быть сорван в любой момент. Был случай, когда олениводы отказались обменивать пушнину, потому что квитанция выдавалась на красной бумаге. Они заявили: «Ты хочешь сделать наша красная?» Нарушив приказ губернии, кампанию товарообмена с тундровиками провели бла-

гополучно. В Обдорск прибыл А. В. Протасов, профессиональный партийный работник. И по мнению Волкова, партийная работа под его руководством стала проводиться более целенаправленно.

Вместе с тем проведение некоторых мероприятий среди тундровиков было очень трудным делом. Особенно это касалось развёрстки на олени. Шесть тысяч голов были отобраны у богатых олениводов и образованы т. н. советские стада. Необходимо отметить, как написал Волков, что сила при этом не применялась благодаря умелой политике И. Я. Чупрова.

Также отметим, что атмосфера на Севере постепенно накалялась, особенно после 8 февраля, когда в Обдорске узнали о начале мятежа в Сибири. Большевики решили действовать на опережение: в городе введено военное положение, всему населению Обдорска предписано сдать оружие, на заседании ревкома решено взять заложников из видных представителей местного купечества. Нужно заметить, что тактика взятия заложников большевиками была отработана сразу после революции. Вот как бывает: в Обдорске ещё не произошло восстание, но заложников уже взяли – «на всякий случай».

Было арестовано 16 человек, введены ночные патрули, посты у исполкома и телеграфа, создан отряд из 30 человек, несущих караульную службу. 12 февраля, узнав, что Тобольск окружён повстанцами и скоро будет захвачен, Обдорский волостной ревком преобразовался в Тобольский Северный военнорезолюционный комитет с подчинением его власти территории Берёзовского и Сургутского уездов. Уже 17 февраля в Обдорск прибыл председатель Берёзовского исполкома Тихон Сенькин.

В период восстания во все комитеты из Москвы были направлены директивы, где говорилось, что к повстанцам нужно относиться гуманно, рядовых повстанцев отпускать по домам, а главарей держать до суда, не расстреливать. Все зверства повстанцев протоколировать, фотографировать трупы замученных, но, по словам Волкова, «мы уже встали на путь кровавых репрессий».

Были расстреляны первые заложники в Берёзове, Сургуте и Обдорске. В Обдорске был расстрелян Арсений Терентьев за то, что у него в доме нашли неисправную берданку. Это при том, что Терентьев уже 10 дней сидел в тюрьме и не мог отвечать за то, что происходило в Обдорске, дом, где найден «бердан» не принадлежал ему, в нём Терентьев жил после выселения из собственного особняка.

Сам автор воспоминаний, Волков, как он пишет, был против расстрела, но как идейный большевик – молча подписывал приговоры. И в этом есть лукавство автора воспоминаний. Он как бы себя оправдывает: я был против, но партийная дисциплина требовала, что бы я подписывал расстрельные списки.

Повстанцы наступали с юга на север, а дела обдорских коммунистов становились всё хуже. Кулаки распространяли различные слухи, повредили телеграфную линию. В ответ на это снова расстреляны заложники. В Берёзово 5 человек, в Кондинском один, в Сургуте 3 человека. Большевики вслепую играли жизнью заложника. В результате в Сургуте расстрелян родной брат члена обдорского ревкома Сосуннов, середняк. В Берёзово расстрелян Григорьев, единственный остряк с университетским образованием.

Восстание 1921 года охватило не только Сибирь, но и Урал, центральную и южную Россию. Это движение носило антибольшевистский характер. Лозунг был один: «За Советы без коммунистов».

1 марта радиостанция приняла депешу, в ней говорилось, что матросы Кронштадта взяли власть и сбросили большевиков.

Очень интересный и показательный момент. Так как в Обдорске сопротивление также нарастало, то местная власть решила ещё за 10 лет до раскулачивания провести его. Были взяты на учёт все богатеи, у них конфисковали все золотые, серебряные вещи, пушнину. Часть пошла на снабжение бедных горожан, вдовам и детям погибших большевиков, часть – на содержание власти. Нужно отметить, что эти незаконные действия привели к укреплению позиций большевиков среди бедноты.

10–11 марта у села Кондинского был разбит отряд Сенькина. Разбит благодаря двум обстоятельствам: во-первых, Сенькин занял невыгодную позицию. Во-вторых, уже во время боя началась неразбериха из-за того, что Сенькин и некоторые младшие командиры затеяли спор на тему отступать или наступать. Работник обдорской продконторы Георгий Чазов пытался спасти положение, организовав оборону, но был убит. Отряд был окружён повстанцами, Сенькину удалось скрыться на лыжах в лесу. Тихон Сенькин был выдан повстанцам на реке Казым. Его привезли в Берёзово, 10 дней водили на цепи, избивая при этом, а затем, зарубили на глазах у толпы.

Повстанцы жестоко расправлялись с семьями коммунистов, убивая женщин и детей. Продкомиссарам вспарывали животы и набивали их зерном. И сегодня нужно конста-

тировать, что и повстанцы, и большевики отличались крайней жестокостью, и это было повсеместно. И те, и другие считали своё дело правым, а убийства – необходимыми. Кровавое колесо прокатилось по всей матушке России, и это было следствием революции 1917 года. Как пишет историк, кандидат исторических наук В. А. Шулдяков в статье «Казачий коллаборационизм во Второй мировой войне: Пропагандистский Жупел или Исторический Урок» (по поводу опубликованной переписки генерала П. Н. Краснова 1939–1945 гг.): «Значит, на будущее надо избегать подобных общественных ломок и такого глубокого социально-политического раскола народа» [4].

Обдорск оставался последним крупным пунктом на севере, туда и стремились беженцы. И. Я. Чупров подогнал к Обдорску 10 тыс. голов с пастухами на случай эвакуации. В это время в районе села Кушеват были срезаны неизвестными телеграфные провода. В Обдорске решено было расстрелять заложников по человеку за каждый пролёт.

16 марта начальник милиции Глазков расстрелял 9 человек, добавив после расстрела: «Всё равно их девать некуда». И как относиться после этого к тому, что в Салехарде одна из улиц до сих пор носит имя этого борца «за счастье народа»? Наверное, правильной было бы улицу переименовать в память жертв Западно-Сибирского восстания, не деля их на повстанцев или большевиков.

18 марта вспыхнул мятеж и в Обдорске. Во главе восстания стоял Дмитрий Чупров, промышленник, миллионер. План был прост: по сигналу набата тремя группами напасть на ревком, казарму, радиостанцию. Но действовали они неслаженно и начали убивать ещё до набата, что позволило большевикам организовать оборону. К тому же горожане были порядком пьяны (в результате чего часть разошлась по домам) и вооружены охотничьими ружьями и топорами. Восстание подавили быстро. Затем начались репрессии. Сведения о повстанцах доставляли женщины – коммунистка Маруся Селяшкина и комсомолка Аня Нехорошева. Тобсеввоенревком объявил приказ: «...За каждую каплю крови наших товарищей контрреволюционная буржуазия заплатит потоком своей чёрной крови, за каждую голову – сотней голов...»

На какое-то время получилось, что Волков оказался верховной властью в Обдорске. Именно в этот период он проявил невиданную жестокость. Ссылаясь на выполнения этого приказа и действуя по революционной логике, Волков быстро допрашивал в канцелярии

подозреваемых и выносил приговор, обвинённых расстреливали прямо во дворе. Расстрелянных не хоронили, а спустили в прорубь на р. Полуй.

В результате подавления мятежа было убито 23 повстанца вместе с расстрелянными. Но вакханалия расстрелов продолжалась: 24 марта было расстреляно ещё 16 заложников. Вместе с тем повстанцы с юга всё ближе подходили к Обдорску. Решено было свернуть радиостанцию и начать эвакуацию совработников и членов их семей.

Вскоре к Обдорску подошёл отряд в 70 человек, красногвардейцами командовал Соколов, а отрядом ЧОН Черемных. Эвакуацию проводили в двух направлениях: через Урал и на Ямал в Мара-Сале. Первый транспорт ушёл за Урал с экспропрированными драгоценностями и беженцами. Очень интересный момент, что транспорт, который вёз экспропрированные драгоценности через Урал, навсегда исчез. Его пытаются найти почти 100 лет.

В 2003 году вышла книга А. А. Петрушина, историка, краеведа, сотрудника КГБ, «На задворках гражданской войны», где он как раз и описывает, как искали и ищут пропавший транспорт с сокровищами.

Радиостанцию на Мара-Сале повёз И. П. Волков. Остальные члены ревкома занялись пьянством и развратом. До 4 апреля в Обдорске было расстреляно 40 человек, в том числе и из советского аппарата.

Повстанцы вошли в Обдорск под командованием бывшего фельдфебеля Слинкина. Были проведены выборы в горсовет, куда вошли остатки местной интеллигенции, не расстрелянной большевиками. Тела расстрелянных мятежников и заложников были выловлены из Полуя и захоронены. В ответ на зверства большевиков было расстреляно 19 человек (для сравнения: после мятежа большевики расстреляли 23 человека). Среди расстрелянных – мать Алексея Чупрова, Иван

Черкашин, комсомолки Баранникова и Дудникова, Константин Зотов, О. Попова, Н. Ануфриев, А. Рогалева, В. Рогалева.

Отряд, ушедший через Урал, был настигнут повстанцами и уничтожен у села Ошвор. По некоторым данным, там захоронено 36 человек.

Апрель 1921 года был месяцем заката повстанческого движения в Тобольской губернии. С юга на север двигалась Красная армия, следом за льдом шёл пароход «Мария» освобождая от повстанцев сёла, стоящие на Оби. При взятии Обдорска с парохода были обстреляны из пушки церковь Петра и Павла, клуб и школа, цели, которые наметил командир красногвардейского десанта Баткунов. Жизнь постепенно стала нормализовываться, хоть и бродили вокруг Обдорска жители, боявшиеся репрессий, разрозненные группы повстанцев. Уезжая из города, Протасов сказал: «Нас или расстреляют, или наградят орденами». Но никто не судил большевиков и награждать также не стал. На север проникли новые экономические отношения, разрешённые X съездом партии, – нэп, который в 30–40-е годы был свёрнут, и на Ямале начался следующий этап – этап советизации.

Коренное население в большинстве случаев не принимало участие в этих событиях. Мятеж и война не вписывались в кочевой образ жизни.

В конце хотелось бы заметить следующее. Екатерина II говорила своим чиновникам: «Лучше отпустить десять виноватых, чем наказать одного невинного». Но, как показала российская революция, гражданская война и восстания 1921 года по всей России, этот принцип не соблюдали ни красные, ни белые. И сегодня, когда навалынные и иже с ними пытаются раскатать Россию, ввергнув её в новый хаос, нужно помнить прошлое и извлекать из него уроки! Как писал А. С. Пушкин в «Капитанской дочке»: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (1836).

Источники и литература

1. Российская газета. – 20 февраля 2012 г.
2. Интернет-ресурс: <http://archiv.72to.ru/index.php/gosudarstvennyj-arkhiv-sotsialno-politicheskoy-istorii-tyumenskoj-oblasti/novosti/383-chernovik-proizvedeniya-k-ya-lagunova-dvadsat-pervyy-istoricheskij-ocherk-s-zamechaniyami-a-t-tvardovskogo>.
3. Шишкин, В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса. // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения (2001 г.); межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В. И. Шишкина. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – С. 137–175.
4. Шулдяков, В. А. Казачий коллаборационизм во Второй мировой войне: Пропагандистский Жупел или Исторический Урок (по поводу опубликованной переписки генерала П. Н. Краснова 1939–1945 гг.): мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Г. С. Зайцева. – Тюмень: Печатник, 2019. – 352 с. – С. 329–336.